

Рис. 4. Угол среднего сруба. Рубка «в обло»

Конструкции валов, состоящие из срубов, забитых землей, известны на территории Южной и Северо-Восточной Руси в XI—XIII вв.⁴ В Переяславле-Залесском обнаружен один из вариантов этого типа устройства вала. Интересная особенность его заключается в использовании при строительстве не только дуба, но и осины. Открытие в переяславских валах внутренней срубной конструкции дает нам дополнительный материал по истории русского военного зодчества XII в.

⁴ П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, 52, 1956, стр. 73—102; его же. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. МИА, 105, 1961, стр. 106—109.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМОЧКИ С НАДПИСЯМИ ИЗ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА СЕРЕНСКА

Раскопки в детинце древнерусского Серенска, небольшого городка в Земле вятичей, доставили богатую коллекцию замечательных предметов художественного ремесла. Это каменные литейные формочки, служившие для отливки украшений: колтов, пластинчатых и створчатых браслетов, трехбусинных височных колец, лунниц, крестиков, перстней. Некоторые формочки оказались двусторонними. Всего на раскопанной площади (900 м²) собрано более 50 литейных форм. Многие из них были опубликованы ранее¹, но одна категория этих находок — литейные формы с над-

¹ Т. Н. Никольская. К истории древнерусского города Серенска. КСИА АН СССР, 113, 1968, рис. 35. 38; ее же. Кузнецы железу, меди и серебру от вятич. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968; ее же. Древнерусский Серенск — город вятичских ремесленников. КСИА АН СССР, 125, 1971.

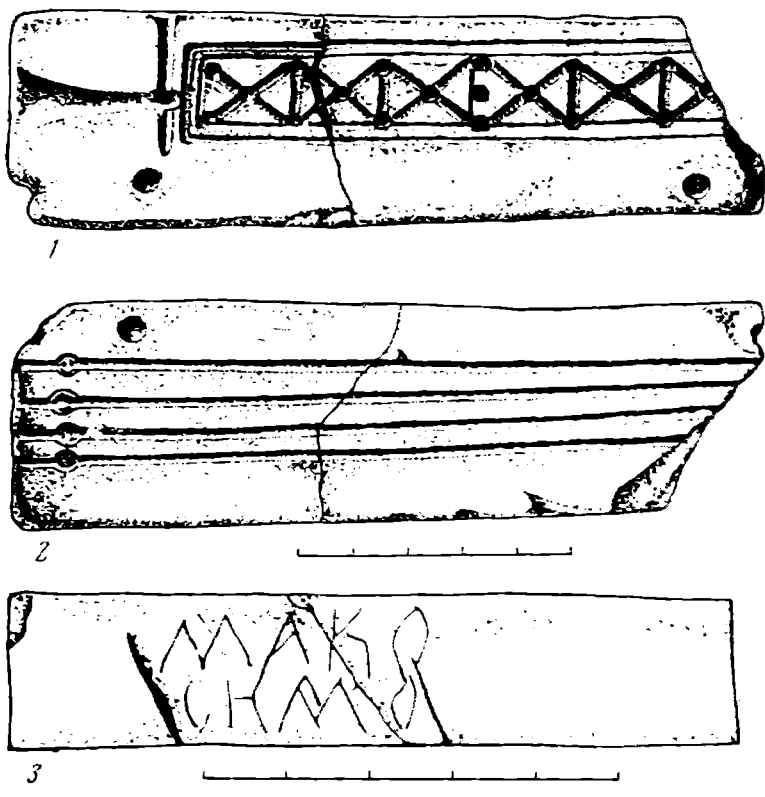

Рис. 1. 1-3 — двусторонняя литейная форма для пластинчатых браслетов и головных венчиков (3 — прорись надписи)

писями — до сих пор еще не издана. Пока во время наших раскопок в Сергеевке найдено три такие формочки, одна совершенно целая, две другие составились из двух половинок, найденных в разных местах. Среди них особого внимания заслуживает двусторонняя литейная форма, служившая для изготовления пластинчатых браслетов и головных венчиков (длина формы 139, ширина 44, толщина грани 17 мм). На одной стороне формы стливался браслет, орнаментированный рельефными прямоугольниками, внутри которых помещены косые кресты из ложновитой скани с шариками ложной зерни по углам и в центре перекрестий (рис. 1, 1). Другая сторона служила для отливки пластины, орнаментированной четырьмя продольными рельефными полосками (на форме эти линии были углубленными) с колечками на концах. На боковой грани формы процарапана надпись, расположенная в две строки, от которой хорошо сохранилось шесть букв: в верхней строчке — «МАКО», а в нижней — «НМ». Перед буквой «Н» — еще одна стершаяся теперь буква, которую можно читать как «С», а после буквы «М» — маленький кружочек, очевидно, «О» (рис. 1, 3)².

Начертания этих букв и расположение самой надписи в две строки поразительно близки сохранившейся полностью надписи на литейной форме для трехбусинного височного кольца, найденной в тайнике под Десятинной церковью, которая М. К. Каргером читается «Макосимов», что означает формочка Максима. Максим — имя мастера, изготовившего литейную форму³.

² Любопытно, что первоначально (в 1967 г.) была найдена половинка этой литейной формы, на грани которой процарапаны только две буквы «КО», а в 1969 г. нашлась и другая часть, на которой оказалось начало и окончание надписи «Ма...симо».

³ М. К. Каргер. Древний Киев, I. М.—Л., 1958, стр. 385, рис. 86, 1, 2.

Если попытаться дополнить в надписи на серенской литейной форме недостающую на конце букву «В», то ее можно прочесть также «Макосимов». Несмотря на то, что эти две литейные формы найдены в столь отдаленных друг от друга пунктах древней Руси, мне представляется, что они были изготовлены рукой одного мастера. Но как можно объяснить такое совпадение? Каким образом мастер Максим, этот даровитый резчик по камню, мог одновременно творить и в стольном Киеве, и в далеком «вятичском» городе Серенске?

Можно предположить, что изготовленная Максимом формочка была завезена каким-нибудь купцом из Киева в Серенск и местные ювелиры использовали ее для отливки браслетов. Но могло случиться и так, что сам Максим вместе с князем или княжеским посадником побывал в «лесной» земле вятичей, где он и обучил своему мастерству местных «златокузнецов». Может быть, именно поэтому имитационные литейные формы, найденные в Серенском детинце, не только сюжетом изображений, но даже орнаментальными деталями часто напоминают киевские литейные формы. Вместе с тем мы не находим здесь абсолютной повторяемости ни в рисунке, ни в композиции: каждый мастер, создавая литейную форму, несомненно, привносил свои индивидуальные особенности.

Кроме рассмотренной литейной формочки была найдена еще одна, целая, трапецевидная, односторонняя, служившая для отливки трех миниатюрных нательных крестиков и прямоугольной бляшки, возможно,

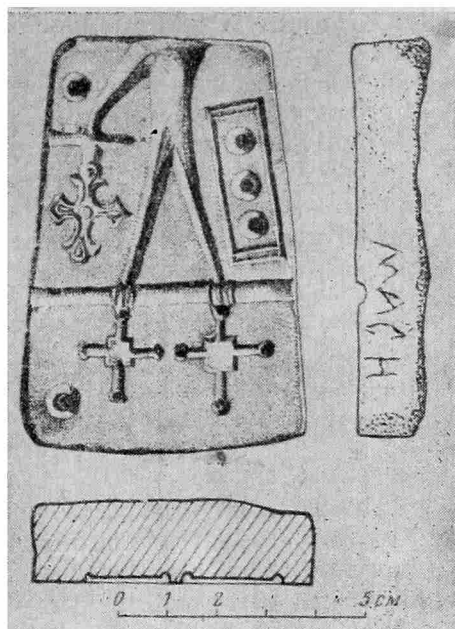

Рис. 2. Литейная форма для крестиков и бляшки

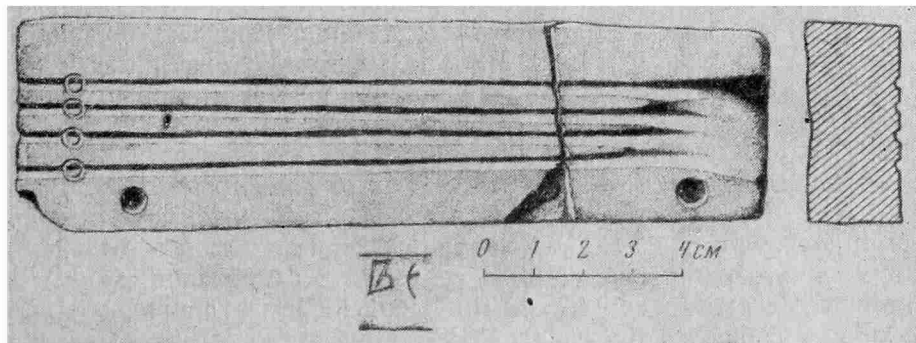

Рис. 3. Литейная форма для пластинчатых браслетов или головных венчиков

поясной. Длина формы 85, ширина основания 57, ширина верхней части 44, толщина грани 17 мм. На боковой грани также процарапана надпись, состоящая из четырех букв, расположенных в одну строку, к сожалению, сохранившиеся плохо. Предположительно этот отрывок надписи читается как «МАСН» (рис. 2).

Третья форма служила для отливки пластинчатого браслета или головного венчика, орнаментированного продольными рельефными полосками с колечками на концах, длина формы 150, ширина 40, толщина грани 18 мм. На боковой грани процарапаны только две буквы — «ВЄ», возможно, инициалы мастера (рис. 3).

К какому времени можно отнести эти интересные находки? В связи с тем, что все рассмотренные литейные формочки с надписями найдены в так называемом горелом слое — слое пожара, который мы связываем с монгольским нашествием (1238 г.), их можно датировать второй четвертью XIII в. Вместе с тем изучение многочисленных литейных форм, собранных при наших раскопках, и самих украшений, производившихся в них, позволило заключить, что имитационные литейные формы в древнерусском Серенске появляются значительно раньше, в конце XII в., и продолжают употребляться вплоть до монгольского нашествия.

Т. Б. ТОМЕС

ЗАМЕТКИ АРХИВИСТА

С момента публикации первого и единственного обзора собрания фотоархива Ленинградского отделения Института археологии АН СССР прошло 20 лет¹. За это время фотоархив пополнился новыми материалами, в том числе рядом интересных личных фотоколлекций. Поэтому мы считаем своевременным осветить два случая в практической деятельности фотоархива из обработки и описания наших материалов.

Известно, что в основу собрания фотоархива в 1919 г. легли негативы (более 20 000), выполненные фотографом Археологической комиссии И. Ф. Чистяковым, начиная с 1896 г. Отправным пунктом в составлении подробного научного описания этих снимков служили лаконичные записи самого Чистякова в книгах заказов. Однако в 1932 г. в его фотолaborатории было обнаружено еще около 2000 негативов, не учтенных в этих книгах и, таким образом, полностью депаспортизованных. Дальнейшим разбором этих снимков было установлено, что они являются не собственной продукцией фотографа И. Ф. Чистякова, а негативами, поступившими к нему от других лиц. Тогда же была выделена группа негативов (около 500), которую считали документацией раскопок Д. В. Милеева под руководством Б. В. Фармаковского на усадьбе Десятинной церкви в Киеве 1908—1909 гг. Последующим этапом разбора этой серии снимков фотоархиву удалось выделить из них негативы раскопок Борисоглебовского храма на Смядыне в Смоленске (Д. В. Милеев, 1908 г.). К описанию оставшейся части негативов фотоархив по ряду причин не приступал до настоящего времени.

В 1971 г., используя малочисленные, весьма общего характера отчеты и хроникальные заметки 1908—1911 гг. о раскопках Б. В. Фармаковского и Д. В. Милеева, фотоархив восстановил последовательную картину раскрытия древней Десятинной церкви. Удалось не только собрать в единый комплекс снимки восточной и северной части раскопок, но и внести ряд поправок и уточнений в ранее обработанные фотоархивом материалы из основного собрания Археологической комиссии относительно места работ и последовательности раскопок, проводимых Б. В. Фармаковским и Д. В. Милеевым на территории древнего Киева с 1908 по 1911 гг.

Архивная практика уже не раз показывала, что порой в результате ранее допущенной ошибки документы не попадают в единый комплекс. Это обстоятельство впоследствии создает ряд трудностей в их разыскании, а сами материалы перестают быть пригодными к использованию. В этих условиях первостепенное значение приобретает своевременная информация о нахождении таких материалов, ранее считавшихся окончательно утраченными.

¹ Т. М. Девель. Обзорные коллекции собрания фотоархива Института истории материальной культуры. СА, XII, 1950.